18+

Вероника Александровна
Виноградова

Дракула VeronaVerna

История льда, пламени и той, кто выбрала себя

Вероника Виноградова

Дракула VeronaVerna. История льда, пламени и той, кто выбрала себя

«Издательские решения»

Виноградова В. А.

Дракула VeronaVerna. История льда, пламени и той, кто выбрала себя / В. А. Виноградова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Верона — обычная девушка, пока не встречает Николая, древнего вампира, чьё ледяное прикосновение пробуждает в ней то, о чём она боялась даже думать. Он не хочет её сломать — он хочет её спасти. Но спасение оборачивается клеткой, а клетка — выбором.Когда появляется Люциан — тёплый, живой, обманчиво-человечный — Верона понимает: настоящий хищник не приходит с клыками. Он приходит с улыбкой.История о женщине, которая перестала быть музой и стала той, кто сама держит свою судьбу.

© Виноградова В. А.
© Издательские решения

Содержание

Полное издание 6
Об авторе 7
Вступление от автора 9
Благодарности 10
Предупреждение для читателей 11
Часть первая. Пробуждение 12
Глава первая. Красный бархат и запах меди 12
Глава вторая. Лихорадочный сон 16
Н. 20
Глава третья. Тёмно-бордовое платье 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Дракула VeronaVerna
История льда, пламени
и той, кто выбрала себя

Вероника Александровна Виноградова

Иллюстрации Qwen3.7-PIus
Оформление обложки Qwen 3.7-Plus

© Вероника Александровна Виноградова, 2026

ISBN 978-5-0071-6916-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДРАКУЛА VERONAVERNA

Полное издание

Об авторе

Вероника Александровна Виноградова родилась 17 апреля 1989 года в Долгопрудном — городе, где сосновые леса встречаются с водами Канала имени Москвы. С раннего детства её привлекали не солнечные поляны и детские площадки, а длинные коридоры старых библиотек, запах пожелтевших страниц и истории, которые шептали стены заброшенных усадеб.

«Дракула VeronaVerna» — её дебютный роман, над которым она работала три года. Произведение родилось из простого вопроса: что, если любовь к монстру — не слабость, а высшая форма силы? Что, если женщина может не бежать от тьмы, а принять её и преобразить?

Вступление от автора

Эта книга не для всех.

Если вы ищете историю о невинной девушке, которую спасёт благородный герой, — закройте её сейчас. Если вы верите, что любовь должна быть чистой, простой и понятной, — вам будет некомфортно на этих страницах. Если вы боитесь заглянуть в ту часть себя, которая иногда хочет невозможного, запретного, разрушительного, — лучше не начинайте.

Но если вы когда-нибудь стояли перед зеркалом в три часа ночи и не узнавали собственное отражение… Если вы чувствовали, что внутри вас живут два человека — один, который следует правилам, и другой, который хочет их нарушить… Если вы верите, что настоящая любовь не спасает от чудовищ, а иногда сама становится ими…

Тогда добро пожаловать.

Эта история родилась из моего собственного страха. Страха перед той частью себя, которую я долго прятала. Той, которая не хочет быть хорошей. Той, которая хочет быть свободной. Той, которая готова принять тьму и не бояться её.

Верона — не я. Но в ней есть часть меня. Часть, которую я наконец перестала стыдиться.

Вероника Виноградова

Октябрь 2026 года

Благодарности

Я благодарна:

Ночи — за её молчание, которое громче любых слов. За то, что она позволяет нам быть честными с самими собой, когда весь мир спит.

Старым замкам Валахии — за то, что они хранят тайны, которые не под силу вынести живым. За их холодные камни, которые помнят больше, чем любая книга.

Каждому читателю — за то, что вы осмелились открыть эту книгу, зная, что обратно вы вернётесь немного другим.

Тем, кто не боится смотреть в зеркало — когда в комнате выключен свет.

Возрастное ограничение: 18+

Предупреждение для читателей

Произведение содержит сцены психологического доминирования и подчинения, описания тёмных мистических тем (вампиризм, демонология, чёрная магия), темы одержимости, манипуляции и трансформации личности, сцены сложных межличностных отношений, темы беременности и рождения в мистическом контексте.

Глава «Лихорадочный сон» содержит сцену психического вторжения во сне. Она не романтизируется: героиня просыпается и называет произошедшее своей травмой, а не судьбой.

Глава «Шёлковые узы» содержит сцену ограничения свободы; согласие героини проговорено вслух и может быть отозвано — это язык доверия, а не бессилия.

Главы «Логово Лотоса» и «Комната Зеркал» содержат сцену, где воля героини подавлена психологическим давлением и алкоголем. Манипуляция показана как манипуляция, её цена — как цена; сцена не подаётся как освобождение.

Глава «Выбор» содержит сцену эмоционального напряжения между персонажами; она построена как психологическая драма, а не как аттракцион.

Произведение предназначено исключительно для совершеннолетних читателей, которые понимают разницу между художественным вымыслом и реальностью и готовы к погружению в атмосферу тёмного эротического хоррора. Если вас беспокоят темы потери контроля, зависимости от токсичных отношений или размывания границ между добром и злом — будьте осторожны.

Это художественное произведение. Все персонажи и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми или событиями случайно.

ДРАКУЛА VERONAVERNA

Часть первая. Пробуждение

Глава первая. Красный бархат и запах меди

14 октября 2024 года. 18:42.
Тырговиште. Галерея мецената Бояра.

Паркет под каблуками скрипел так, словно жаловался на нарушение покоя. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустоте зала, и Вероне казалось, что дом вот-вот проснётся и спросит, какого чёрта она здесь делает.

Но дом молчал. Только пыль танцевала в косых лучах закатного солнца, пробивавшихся сквозь высокие окна с витражами, изображавшими сцены охоты. Только тяжёлый, сладковатый запах пчелиного воска смешивался с ароматом увядших роз в вазах из тёмного хрусталя.

Верона поправила лямку кожаной сумки: блокнот наполовину исписан, два карандаша, диктофон. Она пришла за слухами. Говорили, Бояр скупает не антиквариат, а вещи с дурной славой — артефакты, от которых отказывались даже музеи. Предметы, которые, по словам продавцов, приносили несчастье владельцам.

Ей нужна была сенсация. История, которая вытащит её из рутины. История, после которой её заметят.

Как женщине — ей было просто холодно в этом гулком зале, где тени от позолоченных рам казались длиннее самих картин. Она плотнее запахнула кардиган — тонкий, вязаный, с прошлогодней распродажи — и пошла дальше, стараясь не смотреть на портреты.

Портреты смотрели на неё. Мужчины в мундирах с орденами, женщины в кринолинах с жемчугом, дети с куклами, чьи фарфоровые лица были слишком взрослыми. Верона знала:

масляная краска не следит за человеком, это игра света. Ощущение чужого взгляда не проходило.

Она свернула в боковую анфиладу, скрытую бордовыми портьерами, и протиснулась в щель, зацепившись сумкой за кисть. Ткань пахла пылью и чем-то ещё — сладким, дурманящим, как перезревшие фрукты. Света почти не было: только бра в виде женских рук, держащих свечи, дрожали бликами на стенах. Воздух был густым, от старого дерева и чего-то, что Верона не могла назвать, но от чего сердце билось чаще.

И тогда она увидела портрет.

Два метра в высоту, полтора в ширину. Рама из почерневшего золота, резные виноградные лозы, маленькие черепа с рубинами в глазницах — капли крови. Верона замерла. Воздух в лёгких стал вязким, как сироп: не вдохнуть, не выдохнуть, только смотреть.

С холста смотрела женщина. Та же овальная форма лица, те же высокие скулы, тот же волевой подбородок. Те же русые волосы с солнечными бликами, падающие тяжёлыми волнами. Но глаза — зелёные, бездонные, с хищным, порочным прищуром, от которого подкосились ноги. В них не было ни стыда, ни страха, ни сомнений. Только уверенность женщины, которой подчиняются короли и которая только что встала с постели после ночи, о которой не рассказывают на исповеди.

Платье цвета запёкшейся крови, тяжёлый бархат, почти живой на полотне. Жестокий корсет выталкивал грудь, верхняя часть обнажена, кожа белая, как молоко, с голубоватыми прожилками вен. Ниже — прозрачный чёрный шёлк, белые бёдра, тёмные чулки на кружевных подвязках. Между ног — тень. Намёк. Обещание.

Верона сглотнула. Её собственные бёдра охватил тягучий жар. Это было нелепо: она стояла в публичном месте, в скромном платье, а тело реагировало на кусок холста так, будто невидимая ладонь провела по позвоночнику.

Женщина на портрете улыбалась; в уголках приоткрытых губ — тень, похожая на след чужих зубов. Локоны растрёпаны, пряди на обнажённых плечах, во всей позе — животное, первобытное удовлетворение той, кто был взят, использован, наполнен — и наслаждался каждой секундой.

Верона не отводила взгляд. Соски набухли под грубой тканью блузки, сердце билось в горле, отдаваясь эхом в висках. Между ног пульсировало предательское, пугающее тепло. Влага.

Она протянула руку к холсту — и остановилась в сантиметре. Пальцы дрожали. Она чувствовала: коснётся — и случится что-то необратимое. Не надо, — шепнул здравый смысл. — Уходи. Беги. Ноги не двигались.

Температура упала не постепенно. Воздух стал ледяным, как внутри склепа зимой. Мурашки по обнажённым рукам, волоски на затылке встали. Дыхание вырвалось белым паром — октябрь, а не январь.

Запах: сладкий ладан, сухая пыль веков, и резкое, металлическое — медь. Кровь.

Верона хотела обернуться, хотела бежать. Тело не слушалось. Чужое дыхание коснулось шеи — не тёплое, абсолютно ледяное, но от него по коже разлился огонь. Две тяжёлые ладони легли на плечи сзади. Она вздрогнула всем телом, но не отшатнулась: была парализована. Холод пальцев обжигал сквозь кардиган, создавая невыносимый контраст с жаром внутри.

Она чувствовала его за спиной — высокое, твёрдое, сильное; грудь почти касалась её спины; ледяное, мёртвое дыхание скользило по шее, по щеке, по уху.

— Не правда ли, она прекрасна?

Голос над ухом. Низкий, вибрирующий баритон, от которого заныли зубы; в нём не было человеческих интонаций — шелест старого пергамента и треск ломающихся костей.

— В её глазах столько огня.

Пальцы медленно, с собственнической грацией скользнули по ключицам. Верона перестала дышать. Большой палец обвёл контур шеи, остановился на пульсирующей вене. Сердце билось так, что он должен был слышать каждый удар, чувствовать, как кровь бьётся под его пальцем.

— Но в её венах… моя тьма.

Он наклонился ближе — не касание, почти касание губ у уха; дыхание, обжигающее холодом.

— Ты чувствуешь это, Верона?

Её имя. Он знал её имя. Она не представлялась. Не называла себя. Пришла, как приходят сотни, — и вот кто-то стоит за спиной, касаясь её, зная её имя.

— Твоё тело помнит меня. Даже если твой жалкий разум забыл.

Страх, первобытный и животный, прорвал оцепенение. Верона резко обернулась, едва не потеряв равновесие; сумка соскользнула, упала с глухим стуком — она не обратила внимания.

Перед ней стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречном тёмном сюртуке старинного кроя, будто сшитом вчера; ткань почти чёрная, при свете отливающая тёмно-бордовым, как запёкшаяся кровь. Кожа бледна, как мрамор надгробия — не светлая, мёртвенно-бледная, без румянца, без синевы вен, гладкая, как кость. Черты жестоки и совершенны: скулы, высеченные резцом, волевой подбородок, тонкие губы в той самой ухмылке, что у женщины на портрете.

Но страшнее были глаза. Чёрные. Без проблеска света, без радужки, без белка — две открытые могилы, два провала в бездну. Они смотрели на неё не как на девушку. Как на собственность, возвращённую законному владельцу.

Верона не сказала ни слова. Язык прилип к нёбу, горло сжалось, дыхание застряло. Она смотрела в чёрные глаза и понимала: сейчас умрёт. Здесь. Сейчас. Никто не услышит крика.

Но он не двигался. Просто стоял и смотрел — и во взгляде было что-то кроме голода. Что-то похожее на узнавание.

Она не стала ждать, чтобы узнать. Развернулась и побежала.

Каблуки отчаянно стучали по паркету, дыхание рвалось хриплыми всхлипами. Она не оглядывалась, но спиной чувствовала тяжёлый, немигающий взгляд, скользивший по бёдрам, по ногам, обвивавшийся вокруг лодыжек, как ледяные цепи. Через анфиладу, главный зал, вестибюль — на улицу, где октябрьский воздух ударил в лицо, как пощёчина. Солнце садилось, небо оранжевое и розовое, и этот обычный свет казался оскорбительным после полумрака.

Верона остановилась, оперлась руками о колени, жадно глотала воздух. Сердце колотилось так, что боялась — выскочит. Ноги дрожали, руки тряслись. Оглянулась на галерею. В окне второго этажа — тёмная фигура. Лица не разглядеть, но она знала: это он. Смотрит вслед. Сквозь гулкую тишину летел тихий, низкий смех.

Он не бежал за ней. Ему не нужно было бежать. Он знал, что она никуда не денется.

Глава вторая. Лихорадочный сон

14 октября 2024 года. 23:15.
Квартира Вероны. Спальня.

Верона стояла под ледяным душем пятнадцать минут, но холодная вода не помогала. Она не смывала его прикосновения. Не стирала запах — ладан и медь, въевшийся в кожу. Не охлаждала жар, бушевавший внутри с той минуты, как его ладони легли на плечи.

Закрыла глаза — и сразу увидела его лицо. Бледное. Жестокое. С чёрными глазами без проблеска света.

Кто ты? — думала она, направляя струю на лицо. — Откуда ты знаешь моё имя?

Ответа не было. Только шум воды и стук собственного сердца.

Выключила душ, вышла, капая на кафель. Вытерлась грубым махровым полотенцем, надела длинную хлопковую сорочку. Ткань казалась невыносимо грубой, натирала разгорячённую кожу. Соски ныли от каждого прикосновения.

Подошла к зеркалу над комодом. Русые волосы мокрые и спутанные, зелёные глаза — её обычные, повседневные — смотрели с тревогой. Кожа бледнее обычного, под глазами тени.

Ты выглядишь как сумасшедшая, — сказало отражению.

Отражение молчало.

Верона легла в постель. Простыни холодные и влажные, путались в ногах. Подушка горячая. Ворочалась, переворачивалась, искала удобное положение — ничего не помогало. Сон не шёл. Вместо него приходили мысли. О нём. О голосе низком и вибрирующем. О пальцах ледяных и тяжёлых. О глазах чёрных, как две открытые могилы.

«Твоё тело помнит меня».

Что это значит? Как тело может помнить того, кого она никогда не видела?

«Даже если твой жалкий разум забыл».

Забыл что?

Закрыла глаза — и перед ними возник портрет. Женщина в красном платье с хищными зелёными глазами и растрёпанными локонами. Та, что только что встала с постели после ночи, о которой не рассказывают.

Это я, — подумала Верона, и от мысли стало страшно. — Это я на том портрете.

Нет. Совпадение. Похожая женщина, жившая сто или двести лет назад. Игра света. Просто…

Но она знала, что это не так.

Измождённая, провалилась в тяжёлый, липкий сон.

15 октября 2024 года. 03:15.
Сон Вероны.

Она больше не была в съёмной квартире.

Воздух густой, насыщенный — пчелиный воск, старое вино, медь. Комната освещена сотнями оплывающих свечей; пламя дрожит, отбрасывая на стены танцующие тени. Стены каменные, увешанные гобеленами охоты — собаки, олени, копья, кровь на снегу.

Верона смотрит вниз на себя.

На ней то самое платье с портрета. Тяжёлый красный бархат, облегающий тело, как вторая кожа. Жестокий корсет, не дающий дышать полной грудью, но выталкивающий грудь так, что она готова вырваться. Чёрный прозрачный шёлк на бёдрах шелестит при каждом шаге.

Она стоит посреди комнаты и не понимает, как здесь оказалась. Не помнит, как надела платье. Не помнит, как пришла. Двери с грохотом распахиваются.

Входит он. Николай.

Здесь он не галантный незнакомец из галереи. Здесь он воевода, хозяин этих земель, древний хищник. Расстёгнутая льняная рубаха, бледная мощная грудь в старых шрамах, белых, как паутина. Глаза горят чёрным огнём.

Он не говорит ни слова. Пересекает комнату в три шага; огромные ледяные руки хватают её за талию. Верона вскрикивает от неожиданности и холода, но он уже швыряет её на массивный дубовый стол. Кубки и пергаменты летят на пол. Она чувствует, как твёрдое дерево впивается в спину, как холод пробирает сквозь ткань.

— Ты думала, что сможешь просто смотреть и уйти? — голос вибрирует прямо в груди, отдаваясь в каждом нерве.

Его руки находят край чёрного шёлка. Треск разрываемой ткани — громкий, как выстрел. Холодный воздух бьёт по обнажённым бёдрам; она вздрагивает. Тут же его ледяное, тяжёлое тело накрывает её.

Контраст сводит с ума: кожа ледяная, как мрамор, но там, где он касается, вспыхивает пожар. Ладони скользят по бёдрам, раздвигая ноги, и она чувствует, как между ними пульсирует влага — горячая, предательская.

Рот жадно впивается в шею, оставляя влажные следы. Губы холодные, дыхание обжигающее. Он спускается ниже; пальцы грубо, почти с яростью рвут шнуровку корсета, освобождая набухшие груди.

Он не целует их. Он смыкает зубы на соске.

Резкая, ослепляющая боль пронзает её, но тут же сливается с волной животного наслаждения, и Верона выгибается дугой, ногти впиваются ему в плечи, из горла вырывается громкий, неприкрытый стон.

Он кусает. Чтобы пометить. Чтобы показать, кому она принадлежит. Зубы смыкаются сильнее, выступает капля крови — горячая, солёная. Он слизывает её, и тело сотрясается ещё сильнее.

Когда он входит в неё, это не физический акт. Это вторжение. Он заполняет её полностью, растягивая, подчиняя. Больше, чем должен быть любой человек, и она чувствует, как тело адаптируется, принимает, поглощает.

С каждым глубоким, жёстким толчком в сознание врываются чужие воспоминания.

Заснеженные перевалы Карпат; вкус железа во рту — крови, которую только что пил. Крики врагов, визг стали, ржание лошадей. Руки — его руки — разрывают горло врага, кровь брызжет на снег, окрашивая его красным.

Лес, где вместо деревьев торчат деревянные колья, а на них — тела. Десятки, сотни, насаженные, как бабочки на булавки. Глаза открыты, рты раскрыты в немом крике, и она понимает: это сделал он. Его работа. Его искусство. И понимает, что смотрит на это его глазами. Что она — это он. Что они одно целое.

Она чувствует его безумную, испепеляющую, многовековую одержимость женщиной с портрета. Той, что была до неё. Той, которую он любил так сильно, что готов был разрушить мир, лишь бы она осталась. И с ужасом осознаёт: она и есть та женщина. Не реинкарнация. Не копия. Она сама.

— Ты принадлежала мне до того, как родилась, — рычит он ей в ухо, бёдра бьются о её в безумном ритме. — Ты умрёшь во мне, и я умру в тебе.

Во сне это звучит как приговор, который она принимает, потому что у сна нет выхода. Её тело натягивается, как струна. Оргазм накрывает не волной, а взрывом, разрывая на части, заставляя кричать его имя:

— Николай!

15 октября 2024 года. 04:02.
Пробуждение.

Верона резко садится в постели с громким всхлипом.

Она в своей комнате. За окном серый рассвет, первые лучи пробиваются сквозь шторы. Вся в поту, ночная сорочка прилипла к телу, сердце колотится о рёбра так, что болит в груди.

Сон. Это был просто сон.

Но тело не верит. Оно помнит. Помнит прикосновения. Зубы на груди. Тело внутри себя.

Первое, что она делает, — не смотрит в зеркало. Она смотрит на свои руки. Пальцы сжаты в кулаки, ногти впиваются в ладони. Она разжимает их медленно, по одному, как разжимают чужие пальцы на горле.

Потом — зеркало. Расстёгивает сорочку. Кожа чистая. Ни следов укуса, ни синяков. Ничего. Бёдра чистые. Живот чистый. Шея чистая.

И это хуже, чем следы. Следы доказывали бы насилие, которое можно назвать. А чистая кожа доказывает только то, что тело помнит удовольствие там, где разум ставит «нет».

Она опускает дрожащую руку между ног. Мокро. Простыни под ней влажные. И вот тут она плачет — не от страха, а от стыда, который страшнее страха: стыда за собственную плоть, которая предала её дважды — во сне и после, в этой тихой проверке.

— Это был сон, — говорит она отражению. — Сон не считается.

Отражение молчит. И Верона впервые за ночь понимает, что врёт. Считается. Не поступок — а то, что тело узнало его раньше неё.

Она садится на пол перед зеркалом, обхватывает колени, и тихо, беззвучно плачет, пока слёзы не высыхают сами. Потом встаёт, умывается холодной водой, идёт на кухню варить кофе.

Сегодня будет долгий день. И с этого дня она будет не убегать от Николая, а выяснять у себя, где кончается сон и начинается её настоящее «да». Потому что пока она этого не знает — она не его муза. Она его заложница, которая ещё не прочла условия договора.

15 октября 2024 года. 09:30.
Квартира Вероны. Кухня.

Кофе горчит. Верона пьёт маленькими глотками, пытаясь сосредоточиться на статьях — работа, которая платит за съёмную квартиру и еду.

Мысли рассеяны. Смотрит на экран ноутбука и видит только его лицо — бледное, жестокое, с чёрными глазами.

«Твоё тело помнит меня».

Трясёт головой, пытаясь выбросить фразу. Это просто слова. Манипуляция. Он сказал, чтобы напугать, чтобы заставить думать о нём. И это сработало.

В дверь трижды стучат.

Ритмично. Властно. Не как почтальон или курьер. Как тот, кто знает, что ему откроют.

Верона замирает с чашкой в руке. Сердце бьётся чаще.

Не открывай, — шепчет внутренний голос. — Притворись, что тебя нет.
Но она уже встаёт, уже идёт, уже тянет руку к замку.

На пороге мужчина в строгой, почти старинной ливрее — чёрной, с золотыми пуговицами. Молча протягивает конверт из плотной кремовой бумаги и уходит, не дожидаясь ответа.

Верона закрывает дверь, смотрит на конверт. Тяжёлый. Плотный. На ощупь как ткань, а не бумага. Запечатан чёрным сургучом. Герб: корона, пронзённая гусиным пером.

Ломает печать. Внутри лист той же бумаги, и на нём каллиграфическим, размашистым почерком, тёмно-бордовыми, почти коричневыми чернилами: Моя муза.

Ваше бегство было очаровательно, но незакончено. Вы оставили свой страх в галерее, но забыли забрать своё желание.

Сегодня ночью Двор Воеводы открывает двери для элиты. Мой взгляд ждёт вас.

Не смеете отказывать. И не пытайтесь. Вы уже знаете, что произойдёт, когда закроются двери.

Н.

Верона читает три раза. Каждый раз сердце бьётся сильнее, руки дрожат больше.

Здравый смысл кричит: опасно, не ходи.
Но тело, всё ещё помнящее сон, предательски сжимается от новой волны жара. Между ног пульсирует влага. Соски набухают. Кожа горит.

Любопытство и тёмная, постыдная тяга побеждают.

Она должна пойти. Должна узнать, кто он. Должна понять, что с ней происходит. Должна посмотреть ему в глаза и спросить, откуда он знает её имя.

И, может быть, только может быть, она хочет, чтобы он снова прикоснулся к ней.

Глава третья. Тёмно-бордовое платье

15 октября 2024 года. 19:00.
Квартира Вероны. Спальня.

Верона стоит перед шкафом двадцать минут и не может выбрать.

Тянется к строгому чёрному платью-футляру. Безопасный выбор. Профессиональный. Тот, который говорит: «Я здесь по делу. Личного отношения не имею».

Рука замирает.

Пальцы, словно повинуясь чужой воле, чёрное отодвигают и достают тёмно-бордовое.

Купила год назад на распродаже в Бухаресте, с тех пор висело с биркой. Глубокое декольте, открытая спина, высокий разрез на бедре. Платье, которое она никогда не осмеливалась надеть. Слишком откровенное. Слишком дерзкое. Слишком… не она.

Сегодня надевает.

Ткань облегает фигуру так идеально, будто сшито вчера. Бордовый делает кожу ещё бледнее, глаза — ещё зеленее. Декольте обнажает ключицы и верхнюю часть груди. Разрез открывает ногу почти до бедра.

Смотрит в зеркало и не узнаёт женщину, которая смотрит в ответ.

Это не робкая Верона. Не Верона, которая варит дешёвый кофе по утрам и ездит на старом автобусе. Это женщина с портрета. Та, которой подчиняются короли.

Подводит глаза — тёмные тени, длинная тушь, стрелки. Делает их темнее, хищнее. Красит губы в цвет запёкшейся крови — тёмно-красной помадой, купленной вместе с платьем и ни разу не надетой.

Распускает волосы, позволяя падать на плечи тяжёлыми волнами.

Смотрит в зеркало и видит её. Ту женщину с портрета.

Это я, — думает, и от мысли становится страшно и хорошо одновременно.

Берёт маленькую чёрную сумочку, кладёт помаду, пудру, телефон. Проверяет деньги в кошельке — есть. Телефон заряжен — да.

Глубокий вдох. Выходит из квартиры.

15 октября 2024 года. 21:30.
Двор Воеводы. Внешний двор.

Верона стоит перед воротами и не может заставить себя войти.

Двор Воеводы — старинный дворец в центре Тырговиште, построенный в XV веке, недавно отреставрированный. Теперь здесь закрытые мероприятия для элиты — балы, приёмы, аукционы. Верона никогда не была. Только слышала о нём от знакомых.
Сегодня получила приглашение.

Ворота — массивные, кованые, с гербами и львиными головами — открыты. По бокам стражники в старинных ливреях, похожих на того, кто принёс письмо. Молча кивают, когда она подходит, и она понимает: её ждали.

Откуда они знают, что это я? — думает, но не спрашивает вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.